

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ДОМИНАНТ В ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I-III ВВ.)

THE ROLE OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL LANDMARKS IN THE HISTORY OF SCIENCE (FOR EXAMPLE, MEDICINE IN ROMAN EMPIRE I-III A.D.)

Сведения об авторе: Шок Наталия Петровна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (ректор член.-корр. РАМН П.В. Глыбочко, зав. кафедрой д.м.н., д.и.н., профессор Д.А. Балалыкин), телефон: 8-916-415-14-17, e-mail: shok@msm-medical.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальному вопросу истории медицины – анализу роли и значения религиозно-философских доминант в развитии истории естествознания в целом и медицины в частности. Автор проводит анализ с учетом принципа историзма. В статье систематизирован большой объем фактологического материала, приведен анализ источников, значимых для раскрытия поставленной задачи.

Annotation: Article is devoted to an actual issue of history of medicine – to the analysis of the role and importance of religious and philosophical landmarks in the development of

the history of science in general and medicine in particular. The author analyzes with regard to the principle of historicism. In the article the large amount of factual material, an analysis of the sources that are relevant to the disclosure of the problem.

Ключевые слова: история медицины, история науки, Гален, Платон, Аристотель, натурфилософия, религиозно-философские системы.

Keywords: history of medicine, history of science, Galen, Plato, Aristotle, natural philosophy, religious and philosophical systems.

В рассматриваемый нами исторический период (Римская Империя I-III вв.) понятие «история естествознания», по существу, эквивалентно понятию «натурфилософия». И это соотношение сохраняет свою актуальность вплоть до научной революции XVII в. и теряет ее только по мере окончательной дифференциации основных естественнонаучных дисциплин – физики, биологии, химии, математики и др. Соответственно, натурфилософия существует и развивается в общем контексте философской мысли своего времени. В современной научной литературе общим местом является понимание того факта, что говоря о философских системах античности и средневековья, мы обсуждаем религиозно-философские системы [1,2,3]. Других, секулярных, философских систем просто не существовало. Рассматривая переворот в медицине, связанный с господствующим положением анатомо-физиологической системы Галена, мы также приходим к необходимости

сравнительного анализа натурфилософской базы конкурирующих медицинских теорий. Анализируя их, мы убеждаемся в их религиозно-философском характере. Более того, мы убеждаемся в том, что именно религиозно-философские конструкции являлись определяющими в дальнейшем развитии на их основе систем практического медицинского знания. Так Гален, стоявший на основе классического платонизма, развитого линией Гиппократов в медицине, исходил из идеи творения мира богом-демиургом по определенным законам, которые были познаваемы эмпирическим путем. Путь эмпирического познания определил структуру знаний о человеческом организме, его болезнях и методах их лечения. Именно монотеистический характер религиозно-философской системы, лежащий в основе взглядов Галена, определил симпатии христиан и христианской церкви к его учению.

Напротив, атомизм Демокрита-Эпикура, лежавший в основе натур-

философии принципиальных оппонентов Галена – так называемых методистов или «врачей-эрасистраторов» (из числа позднейших – Асклепиад и Соран), предполагал вечность мира, хаотичность движения материи и конечную непознаваемость живого. Естественно, что вопросы медицинской практики решались соответствующим образом, что и привело к системному кризису медицины до Галена.

В рамках данной статьи хотелось бы обозначить соотношение между натурфилософскими концепциями и медициной с целью решения важной науковедческой задачи – объяснения причин легкого и комплиментарного восприятия системы Галена в христианский период. В отечественной литературе попытки системного разрешения этого вопроса просто отсутствуют. В западной, особенно англосаксонской, историографии данной проблемы в последние десять лет уделяется достаточно много внимания [4,5,6,7,8]. Усилиями ведущих историков науки вопрос о взаимо-

отношениях медицины, греческой натурфилософии и христианства признан ключевым [9,10,11,12,13]. Многое сделано в отношении прояснения этих взаимоотношений, однако вопрос нам кажется не до конца решенным. Достаточно много написано о вопросе абсорбции раннехристианской мыслью греческой философии [14,15,16]. Сложилось единое мнение, основанное на хорошо сохранившихся и дошедших до нас источниках – трудах отцов церкви II–III вв. (так называемой патристике). Суть этого мнения в том, что раннехристианскими авторами – от Св. Климента Александрийского до Бл. Августина – произведена определенная «сортировка», своего рода сепарация многочисленных идей и школ античной философии. В рамках этого процесса что-то было признано полезным и, условно говоря, «оставлено» в интеллектуальном обиходе, что-то, напротив, «отсечено» и отвергнуто. Полезной и нужной в натурфилософии была признана линия Платона-Аристотеля [17,18,19]. Таким образом, и был осуществлен синтез греческой философии и христианства. Надо четко осознавать исключительную сложность этого вопроса и его значение для истории науки.

Сложность состоит в том, что даже Платона и Аристотеля христиане не могли признать без существенных оговорок [17,18,19]. Ввиду объемности этого вопроса и обширного и разнопланового характера литературы, ему посвященной следует оговориться: предметом нашего анализа здесь служат исключительно натурфилософские вопросы, непосредственно влиявшие на развитие медицины. Для комплексного описания данного исторического факта необходимо перейти от общей характеристики синтеза греческой философии и христианской мысли к конкретным вопросам развития медицины под влиянием основных направлений натурфилософской мысли и восприятия их христианскими авторами.

Раскрывая определяющее значение религиозно-философских систем для анализа истории меди-

цины, следует обозначить принципиальные проблемы, стоявшие перед религиозно-философской системой христианства в отношении к практическому естествознанию. Это – совокупность вопросов, которые принято называть естественным богословием и теодицей.

Вот какое определение дает понятию «естественное богословие» крупнейший и виднейший исследователь проблем соотношения религии и науки Дж. Х. Брук: «Естественное богословие – один из видов богословского дискурса, где происходит анализ божественной природы через естественные причины. Очень часто естественное богословие характеризуется как возможность построить рациональные доказательства существования Бога в природе через использование естественных наук» [12].

Идея теодицеи – оправдание Бога в существовании зла в мире. Суть вопроса (или базового противоречия) состоит в следующем: если Бог достаточно могуществен, то он должен, являясь всеблагим, исправить зло; если зло существует, то Бог либо не достаточно могуществен и не имеет сил для его подавления, либо не милосерден и не имеет желания исправить зло.

В период творчества первых раннехристианских апологетов не существовало четкого представления о том, что такое наука в ее современном понимании. Вместе с тем это было время, когда уже существовали и активно развивались рациональные представления о природе, движении небесных тел, активно предпринимались попытки объяснить различные физические явления. Эти фрагменты практического осмысления законов окружающего мира впоследствии стали тем, что сегодня принято называть научным знанием. Безусловно, существуют принципиальные методологические отличия между пониманием необходимости познания окружающего мира у древнегреческих натурфилософов и отцов церкви. Последние рассматривали познание природы в контексте познания Бога и его присутствия в природе как основной цели бытия

человека. Однако в своих поисках отцы церкви опирались на методологический аппарат древнегреческой науки. Конечно, они ставили перед собой принципиально иные цели, пытаясь сконструировать такую философию природы, которая позволила бы им, с одной стороны, изучать ее явления, а с другой – избежать ошибочных (с точки зрения патристики) принципов, заложенных некоторыми школами античной натурфилософии. В современной истории науки данный факт зачастую трактуется как противостояние ранней церкви греко-римской интеллектуальной традиции. Более того, если мы обратимся к источникам, то можем найти немало цитат, дающих основание для подобной критики. Однако мы не должны забывать, что христианские мыслители в своей полемике с язычеством не только критиковали, но и проясняли и отстаивали фундаментальные положения христианской веры и практики.

Несовместимость христианского учения о творении мира, который Бог создал из «ничего», и космогонических мифов язычества очевидна. Полемика отцов церкви с язычниками была основана на аргументах, которые сегодня входят в зону интересов естественного богословия, при этом использовались методы и идеи греческой и римской философии. Так Тертуллиан прямо указывает на необходимость познания Бога через природу: «Бога сначала следует познать благодаря природе, а затем узнать благодаря научению; и благодаря природе означает познать Бога из Его дел, а благодаря научению – из проповедей» [20, С. 283].

Наиболее полный и системный анализ вопросов естественного богословия был предпринят в александрийской богословской школе. Так, Св. Климент Александрийский считал естественное богопознание одним из основных конструктивных элементов богословия [21, С.249]. Он подмечал наличие некой божественной искры в людях, которые посвятили свою жизнь науке: «Интуиция единого всемогущего Бога всегда естественным

путем присутствовала в душах благомыслящих людей» [22, С. 196]. Проблематика естественного богословия встречается также и в работе «Слово против язычников» Св. Афанасия Александрийского. Здесь представлены наиболее популярные в естественном богословии аргументы существования Бога – космологический и телеологический. Замысел повсюду обнаруживает себя в творении, «достоверность этого не сокрыта от взоров, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослеплено умное око» [23, С. 160]. «Взирая на небесный круг, на течение солнца и луны, на положения и круговращения прочих звезд, совершающиеся различно и по противоположным направлениям, (...) кто не придет к той мысли, что не сами себя привели они в устройство, но есть иной приводящий их в устройство Творец?» [23, С. 172]. «Итак, поелику во всем открывается не бесчиние, но порядок, не отсутствие меры, но соразмерность, не расстройство, но благоустройство и всестройное сочетание мира; то необходимо заключить и составить себе понятие о Владыке, Который все соединил и скрепил, во всем произвел согласие» [23, С. 175-176].

Мы видим, что в целом синтез греческой протонауки (акцент в раскрытии заданных нами вопросов делается в меньшей степени на раннем периоде патристики) упоминается в основном Св. Климентом Александрийским. В основном говорят о работах Бл. Августина, Василия Великого и позднейших. Однако переворот в медицине, связанный с работами Галена, произошел во II в. Система Галена заняла господствующее положение уже к середине III в. – Г. Фернгрэн называет то, что осталось к этому времени от оппонентов Галена, «немногочисленными постгаленовскими сектами». Далее анатомо-физиологическая система Галена доминирует в течение более полутора тысячи лет. Очевидно, что подобный ход событий требует объяснений в виде подробного анализа натурфилософских рефлексий раннего христианства.

Еще один важнейший общеметодологический вопрос в религиозно-философской системе христианства применительно к естествознанию – это телеология.

Для монотеистической системы очевидно значение этого принципа как базисного для понимания природы и человека. Бог-творец создает живое по определенному плану, закладывая в свое творение целесообразные законы функционирования. Здесь важную роль сыграла телеологическая модель, содержащаяся в натурфилософии Платона и Аристотеля. Мы не будем подробно останавливаться на их анализе, так как объем статьи нам этого не позволяет.

Следствием переосмысления натурфилософских теорий и медицинской практики с позиций рационализма стало бурное развитие медицины в III в. до н.э. – II в. в политических и культурных рамках эллинского мира и, позднее, Римской империи.

Важно выделить две основных составных части этого значения – христианская гносеология и христианская этика. Начнем с научного значения: христианство развивает зачатки телеологических взглядов Платона и Аристотеля в целостную систему видения мира, как сотворенного богом-творцом и в принципе познаваемого человеком.

В рамках христианского взгляда на мироздание мы находим исчерпывающую основу для осуществления человеком позитивной познавательной естественнонаучной деятельности. Мир творится Богом, человек создается им как высшая часть этого тварного мира. С самого начала Бог отдает тварный животный и растительный мир в управление первого человека – Адама. После грехопадения Адама и Евы они изгоняются из рая, человеческая природа становится смертной, тленной, поврежденной. При этом человек не лишается любви и благоволения со стороны Бога и деятельной, благочестивой жизнью, проведенной в борьбе с грехом, может унаследовать вечную жизнь в раю и спастись. Библейская история сотворения мира ясно ука-

зывает на характер законов функционирования мира как вечных и неизменных. Здесь возникает важный методологический парадокс: с одной стороны, Бог всемогущ и его промысел предполагает постоянное деятельное участие в судьбе каждого человека, который просит Бога об этом в своих молитвах; с другой стороны, Бог создает мир и его составляющие (животные, растения и т.д.) как конечный продукт с заложенными в нем законами его целесообразного развития и функционирования. Христианская философская мысль много потрудились над позитивным разрешением этого вопроса. Огромную роль в решение этого крупного противоречия – свободы Бога и свободы человека – сыграли те самые схоласты (например, Уильям Оккам), которых до сих пор презрительно поругивают современные российские историки медицины. Надо ли говорить, что без стройной религиозно-философской системы взаимоотношений Бога и человека в процессе познания природы, ни о каком натурфилософском позитивизме и речи быть не могло? Христианство разрешило этот вопрос таким образом: законы мироздания созданы Богом как конечный продукт, они неизменны: «Бог, идеже хочет, применяет естества чин» – в рамках своей свободной воли, по своему желанию Бог может изменить естественное устройство материального мира.

Но случаи этих «применений» им «преломлений» единичны и исключительны. Бог, безусловно, творит чудеса – согласитесь, с позиции философской онтологии было бы странно, если бы Творец был не властен над своим творением. Как пишет Св. Апостол Павел: «Не властен ли горшечник над глиной?» Однако в этих действиях, в отличие от мифологических историй о древнегреческих антропоморфных богах, нет эмоционального произвола. Произволение Бога и его главная цель – спасение человека. Весь его Промысел содействует этому. Чудеса – редчайшее исключение, точечное воздействие, не изменяющее свойства природы и мате-

рии в целом. Они способствуют от-дельно взятому сотериологическо-му акту и помогают человеку в его трудах по достижению спаситель-ной цели. Чудо христианского Бога творится как помощь человеку и его поддержка. Приведем пример из Нового Завета. Апостола Павла Бог «восхищает до третьего неба», то есть живого человека поднимает в рай для его созерцания. Бог не соз-дает Св. Апостолу тепличных усло-вий для жизни – Павел «безмерно в трудах», в «угрозах для жизни» – но, опять-таки, для его укрепления, ободрения, духовной поддержки Бог чудесным образом открыва-ет картину будущей жизни. Чудеса христианского Бога не решают про-блемы материальной деятельности человека в его земной жизни, они его поддерживают духовно в на-правлении собственных трудов с целью спасения. Это – ключ к пони-манию религиозно-философской системы христианства как стиму-лирующей активную деятельность человека в познании материально-го мира. Важнейшая часть этой си-стемы – глубокое осознание личной свободы человека. Человек все для себя решает сам – вплоть до выбо-ра между Богом и Сатаной, между спасением и смертью. Тем более, человек свободен в своей матери-альной деятельности, направление которой он выбирает сам – ведь «вера без дел мертва». Не случайно этика Гиппократов воспринимает-ся христианским обществом столь комплементарно.

Значительное место в натурфи-лософских работах Галена зани-мает полемика с эпикурейцами в части их взглядов на природу мате-рии. Эпикурейская школа в фило-софии развивала атомистическую теорию Левкиппа и Демокрита. Согласно этой теории, материя со-стоит из мельчайших неделимых частиц – «атомов», находящихся в постоянном движении. Самое глав-ное – это движение, они считали его хаотичным, происходящим по воле случая. Критиками атомиз-ма Левкиппа-Демокрита-Эпикура были все натурфилософы рациона-листического направления, начи-ная с Аристотеля. Poleмика вокруг

этой теории сопровождала разви-тие естествознания на всем его до-научном этапе – вплоть до научной революции XVII в. Время от време-ни эта полемика то обострялась, то затихала. Во II–III вв. она отлича-лась исключительной интенсивно-стью. Эпикурейский взгляд на ха-отичность движения атомов – осно-вы материи – стал одним из осно-вополагающих в натурфилософии неоплатоников. Для естествоиспы-тателей эта теория была совершен-но неприемлема – этим объясня-ется ее резкая критика со стороны Галена и других представителей естественных наук. Объяснение движения атомов хаотическим на-правлением воли случая означало, по сути, отсутствие всякого науч-ного объяснения. Это прямо вело к представлению о непознаваемости материального мира, что совер-шенно не устраивало ученых-прак-тиков (врачей, физиков, инженеров и пр.). Успешная познавательная деятельность могла вестись только на базе религиозно-философской системы, которая положительно отвечала на вопрос о познаваемо-сти природы и человеческого орга-низма как ее части, т.е. натурфил-ософского позитивизма.

Гален однозначно увязыва-ет взгляды философов-эпику-рейцев и врачей-эрасистрато-ров (Асклепиада и его учеников): «Теперь не следует обойти мол-чанием то, что, рассуждая на эту тему, говорят некоторые из тех, кто разделяет мнения Эпикура-философа и Асклепиада-врача, но следует тщательно изучить их речи и показать, в чем они ошибаются» [24, С.83]. При сравнительном ана-лизе натурфилософских воззрений Галена и рассуждений отцов церк-вицеркви мы обращаем внимание на удивительное сходство логи-ки и аргументации. Подробнее мы разберем этот вопрос в граве IV. Сейчас приведем лишь один при-мер рассуждений Св. Дионисия Великого (III в.). Помимо взгляда на целостность творения, их объ-единяет телеологический подход – идея целесообразности и поряд-ка творения: «Также, в то время как судно строится, киль не кладет сам

себя, и мачта сама не устанавлива-ется посередине судна, и каждая из других деревянных частей суд-на не занимает любое случайное положение. Как говорят, не уста-навливаются сто частей повозки в произвольном, свободном месте, но каждая часть соответствует сво-ему определенному положению. Плотник объединяет их в соответ-ствие с необходимостью» [2]. Гален говорит о целесообразности и по-рядке творения, используя ту же логику, но широко иллюстрирует ее конкретными, опытными примера-ми: «Нет ни одного ремесленника, ни среди тех, которые с помощью болтов скрепляют балки, ни сре-ди работающих с камнем, которые когда-либо сумели так точно при-ладить углубления к входящим в них выступам, как это сделал удач-ный вихрь атомов по отношению к корням зубов. Он знал, думается мне, хотя он не имел разума, что более широкие ячейки сделали бы более слабым связь зубов с кость-ми, а более узкие – не позволили бы корням зубов дойти до само-го основания. А эти крепкие связ-ки, скрепляющие зубы с ячейка-ми, главным образом у основания, где прикрепляются нервы, разве это тоже не замечательное явле-ние? Еще более замечательное, если это дело случая, а не мастер-ства. Но вот еще более чудесное явление. Даже в том случае, если мы припишем атомам Эпикура или молекулам Асклепиада то счастье, о котором мы говорили выше, мы все же воздержимся от признания этого и будем утверждать, что пра-вильность зубов есть скорее дело справедливого руководителя, чем удачного движения. Тот факт, что нижние зубы точно совпадают с верхними, несмотря на то что челю-сти неодинаковы, – это доказатель-ство высшей справедливости...» [25, С. 385-386].

В своем труде «Истинное слово», написанном во II в. и направлен-ном против христианства, фило-соф-язычник Цельс критикует его основные догматы именно с по-зиций атомизма. Эпикурейское представление о вечности мира, отрицающее фигуру бога-творца

материального мира, акта творения и идею Божественного провидения, он защищает с помощью именно этого натурфилософского довода. В связи с важностью этой части аргументации Цельса, другой крупный христианский автор II в. – Ориген – уделяет много внимания критике атомизма, закладывая основы той позиции, которую в предложенном нами тексте развивает Св. Дионисий. Такими основами у Оригена как раз и становятся рассуждения о целесообразности наблюдаемого в живой природе – телеологический принцип функционирования материального мира. Все эти факты в совокупности позволяют нам говорить о наличии натурфилософских взглядов александрийской школы.

В теории познания Эпикура принято выделять следующие критерии истины: «предвосхищение», «претерпевание» и «образный бросок мысли». «Предвосхищение» – это «памятование того, что часто являлось нам извне», «оттиск, предварением которого были ощущения» и чувственные восприятия. Предвосхищения – это понятия или общие представления, возникающие на основе чувственных восприятий из единичных представлений [26, С. 58-59]. «Претерпевание» – это скорее критерий отношения к вещам, чем критерий оценки реального состояния. Претерпевание – основа для моральных оценок в соответствии с этическими принципами [27, С.101-103]. Содержание понятия «образный бросок мысли» определяется как интеллектуальная интуиция. Согласно Эпикуру, «истинно только то, что доступно наблюдению или уловляется броском мысли», а «главным признаком совершенного и полного знания является умение быстро пользоваться бросками мысли» [28, С.113-117]. Чувственно воспринимаемые свойства вещей возникают как продукты движения. Они не принадлежат вещам в себе, а являются только образом представления воспринимающих, в соответственных случаях существ.

Свои мысли о природе Эпикур практически заимствовал у

Демокрита: пустое пространство и движущиеся в нем бесчисленные, но качественно однородные атомы – различные только по величине и виду, из соединения и разделения которых должен был объяснен весь процесс происходящего. Тем самым утверждалось механическое понимание природы.

По Эпикуру атомы отличаются друг от друга главным образом своим видом, их существует бесчисленное множество. Им присуще движение полета в пустом пространстве, само по себе, без всякого порядка. Встреча нескольких подобных атомов приводит к возникновению их скоплений. Вследствие напора в скоплении осуществляется вихреобразное движение, вовлекающее в себя все большие массы вещества из окружающего пространства. Таким образом из атомов образуются вещи, и в конечном счете возникает бесконечное многообразие миров и вечный процесс жизни вселенной, в котором отдельные миры возникают и снова исчезают по чисто механической причине.

При практическом использовании этой теории в медицине ученый приходил к выводу, что атомы души распределены по всему телу. При этом предполагалось, что к различным частям тела присоединены атомы души различной величины и подвижности, которые распределяют различные функции по разным местам тела: мышление в мозг, восприятия – в отдельные органы чувств, сильное душевное возбуждение – в сердце, чувственное желание – в печень.

Подобный взгляд на анатомию и физиологию человека совершенно исключал понимание его тела сквозь призму целостной анатомо-физиологической теории, на базе которой можно было бы построить научное понимание теории здоровья и болезни. Поэтому Гален столь решительно критиковал теорию Эпикура и врачей, которые ей следовали.

Атомистическое учение Демокрита, излагаемое Эпикуром, устраняло всякую мысль о творении мира высшим существом по

определенным законам, сводя все явления только к случайным механическим причинам. Случайные соединения атомов, из которых не менее случайно возникают вещи, не могут, по мысли Дионисия Великого, объяснить все многообразие мировых явлений и приводят к разного рода натурфилософским нелепостям.

Отрицая всяческую целесообразность мира, теория атомов Эпикура не в состоянии, по мнению Св. Дионисия, объяснить и всей множественности вещей. Различие между видимыми вещами, какими являются солнце, луна и звезды, и невидимыми, как боги, демоны, души; природными – орлы, слоны, финиковые пальмы, дубы; не могло произойти от атомов, одинаковых по своей сущности и отличных только по величине и форме. Невозможно предположить, чтобы такие разные по сущности вещи, как небесные тела, боги и люди, растения и животные, образовались из одних и тех же атомов случайным образом. Даже если допустить, что причина отличия и постоянства тел содержится в разнице местоположения и крепости атомных соединений, то остается необходимость в разумном Управителе и Мастере – «мудром пастыре или распорядителе» [29].

С позиции эпикурейского взгляда на мир как волю случая, необъяснимо и непостижимо то всеохватывающее строение, созвучие и природное великолепие в организации Вселенной.

Известно, что Демокрит, развивавший в конце V в. идеи атомистической теории своего учителя Левкиппа, по профессии был врачом. Роль атомистического материализма Левкиппа-Демокрита была высоко оценена в отечественной учебной и научной литературе в 50-е гг. XX в., за ним признавалось большое научное и историческое значение для становления и развития современной науки, основанной на материалистической концепции существования окружающего мира. Это было вполне созвучно марксистско-ленинской идеологии представлений об истории науки.

Атомизм и его основная идея о материи как совокупности мельчайших первоэлементов и их движении, безусловно, оказал влияние на формирование науки и отдельных научных концепций. Многие известные ученые знали об атомистической теории Демокрита, среди них Г. Галилей, Ф. Бэкон (в его трудах эта теория противопоставляется трудам Аристотеля) и др. Вместе с тем важно понимать, что метафизический атомизм философов V–IV вв. до н.э. не тождественен теории элементарных частиц современной науки.

Также нельзя не отметить удивительный, крайне важный факт – Демокрит, будучи врачом, не приносит теоретических обоснований в медицину. Этому, конечно, есть объяснение: его учитель Левкипп был учеником крупнейших деятелей элейской школы. В основе учения элейцев несколько значимых постулатов: 1. ничто не существует; 2. если бы сущее было, то оно было бы непознаваемо; 3. если бы оно было познаваемо, то это познание невозможно было бы выразить словами. В таком русле происходило осмысление происходящих явлений, что, конечно, не вполне соответствует прикладным задачам естествознания в целом и медицины в частности. Вполне очевидно, что накопление некоторого массива экспериментально определенных фактов и материалов наблюдений влечет за собой необходимость их теоретического обобщения и осмысления. Пример Демокрита не единичен – врачами также были известные натурфилософы Гиппон и Диоген Аполлонийский. Однако, как и в случае с Демокритом, возникновения теории у них не происходит. Причина, по существу, состоит в том, что каждый из них, закладывая в основу возникновения материи некий первоэлемент (Гиппон – воду Фалеса, Диоген – «воздух» Анаксимена) и наделяя его разумностью, заведомо ограничивают познавательные возможности своих концепций, лишая их возможности объяснять закономерности развития и функционирования материального мира, тем са-

мым формируя невозможность его изучения. Этот факт делает данные теоретические концепции бесплодными, лишенными прогностического потенциала, – а для научной теории это один из наиболее значимых критериев, позволяющих построить единую концептуальную систему, с помощью которой возможно более полное отображение определенной области окружающей нас действительности.

В статье показано значение анализа религиозно-философских систем с точки зрения их значимости для развития естествознания. Парадоксальным образом позитивно воспринятые христианством натурфилософские модели оказали наиболее значимое положительное воздействие на естествознание в целом и медицину в частности.

Список литературы:

Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. М. 2013. 256с.

Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть I // Философия науки. № 2. 2013. С.157–175.

Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть II // Философия науки. № 3. 2013. С. 129–150.

Nutton V. Ancient medicine. London and New York: Routledge, 2013. 486p.

Galen: On the therapeutic method, books I and II, transl. with an introduction and commentary by R. J. Hankinson, Clarendon Later Ancient Philosophers, Oxford, Clarendon Press, 1991. 269p.

The Cambridge Companion to Galen. Ed. By R. J. Hankinson. University of Texas at Austin. The United Kingdom, Cambridge: The University Press, 2008. 472p.

Conrad L. I., Neve M., Nutton V., Porter R., Wear A. The Western medical tradition: 800 BC to AD 1800. Cambridge. 1995. 556p.

Ferngren G. B. The history of Science and religion in the Western

Tradition: an encyclopedia. New York. 2000. 585p.

Ferngren G.B. Science and Religion: a historical introduction. Baltimore, 2002. 277p.;

Amundsen D.W. Medicine and Faith in Early Christianity. Bulletin of the History of Medicine. 56. 1982. P. 326–350.

The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Ed. by Armstrong A. H. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 711p.

Брук Дж. Х. Наука и религия. Историческая перспектива. М. 2004. 352с.

Grant E. God, Science, and Natural Philosophy in the Late Middle Ages. In Between Demonstration and Imagination: Essays in the History of Science and Philosophy. Presented to North J. D. Leiden: Brill. 1999. P.243–267.

Porter R. The Cambridge history of medicine. Cambridge. 2006. 408p.

Medicine in Society. Historical Essays. Ed. by Wear A. Cambridge. 1992. 397p.

Ferngren G. B. Medicine and Health Care in Early Christianity. JHU Press. 2009. 264p.

Grmek M. D. Diseases in the Ancient Greek World. Trans. by Muellner M. and Muellner L. Baltimore. 1989. 458p.

Callus D. A. The Introduction of Aristotelian Learning to Oxford. Proceedings of the British Academy. 29.1943. p. 229–281.

Grant E. Ways to Interpret the Terms «Aristotelian» and «Aristotelianism» in Medieval and Renaissance Natural Philosophy. History of Science. 25. 1987. P. 335–358.

Тертуллиан. Против Маркиона. Цит. в пер. Фокина А.П.: Фокин А.П. Естественная теология в латинской патристике // Философия религии: Альманах. М. 2007.

Михайлов П.Б. Естественное богопознание в греческой патристике // Философия религии: Альманах. М. 2007.

Климент Александрийский. Строматы. Т. 2 (Книги 4–5) / Пер. Е.В. Афонасина. СПб., 2003.

Афанасий Великий Св. Слово против язычников // Афанасий Великий

Св. Творения. Ч. 1. М. 1902.

Трохачев С.Ю. Философские основания медицинской теории Асклепиада Вифинского // Сборник научных работ «Некоторые проблемы античной науки». Ленинград, 1989.

Гален К. О назначении частей человеческого тела / Под ред. В.Н. Терновского. М. 1971.

Шахнович М. М. Парадоксы теологии Эпикура. – СПб., 2000.

Шахнович М. М. Сад Эпикура. Философия религии Эпикура и эпи-

курейская традиция в истории европейской культуры. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

Bailey C. The Greek Atomist and Epicurus. Oxford, 1928.

Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М. 1997. 576 с.